

UDC 93

KYRGYZ STATEHOOD ESTABLISHMENT THROUGH SOCIAL EVOLUTION PERSPECTIVE

Gulmira D. Dzhunushalieva

Kyrgyzstan-Russian Slavic University
44, Kievskaya street, Bishkek, 7200021
PhD (History), associate professor
E-mail: dzun_gulmera@mail.ru

The article attempts to analyze Kyrgyz statehood establishment in 1920–1930 in terms of world-systematic approach, worked out by I. Wallerstein and others.

Keywords: Kyrgyz statehood, world-systematic approach, government national separation of Central Asia.

«... то, что произошло в отдаленном прошлом, всегда является следствием того, что произошло в недавнем прошлом».

И. Валлерстайн

Прежде чем говорить о проблеме создания кыргызской государственности в XX в. с позиций мир-системного подхода, следует дать общее представление о самой концепции, поскольку, как правило, социологи лучше информированы о работах И. Валлерстайна, Ф. Броделя и др., чем историки.

Мир-системный подход во многом сходен с цивилизационным, но идет дальше него, анализируя не только эволюцию социальных систем, охватывающих одну цивилизацию, но и такие системы, которые охватывают более одной цивилизации или даже все цивилизации сразу.

Иммануил Валлерстайн, американский социолог и экономист, является одним из авторитетнейших ученых, занимающихся проблемой мир-системного анализа. Глобальное расширение капитализма, интеграция всего мира в одну мироэкономику являются предвестниками потрясений, поскольку возможности внешней и экстенсивной экспансии исчерпаны. И. Валлерстайн говорит о стадиях развития социальных систем, или, иначе говоря, целостностей. Единственными целостностями, которые существуют или существовали исторически, являются минисистемы и миросистемы, а в XIX–XX вв. утвердилась одна миросистема – капиталистическая мироэкономика.

В качестве определяющей характеристики социальной системы берется существование внутри нее разделения труда, которое экономически связывает различные секторы и географические зоны внутри нее.

Минисистема – объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах. Таких минисистем в мире в настоящее время не существует.

По мнению И. Валлерстайна, на сегодняшний день (если не брать во внимание не функционирующие минисистемы) единственным видом социальной системы является миросистема, определяемая как общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Эта миросистема существует в двух разновидностях: с общей политической системой и без нее. Описываются они как мир-империя и как мир-экономика.

Эмпирически оказывается, что мир-экономики исторически были нестабильными структурами, которые приходили к дезинтеграции, либо к трансформации в мир-империю через завоевание одной группой. Примерами таких миров-империй являются великие цивилизации в период до Нового времени: Китай, Египет, Рим. Как предположил И. Валлерстайн своей работе в XIX в. «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», «Великобритания и Франция ...[являлись] национальными государствами с колониальными придатками, действующими в рамках единой мироэкономики» [1: 24].

Существенной чертой капиталистической мироэкономики является производство товара для продажи, цель которой заключается в получении максимальной прибыли. В научной полемике, развернувшейся в середине XX в. о природе капитализма и обществ с господством промышленности, велся поиск объяснения тому, каким образом стало индустриальным некапиталистическое общество – СССР. Мнения были различными: от доказательства, что «либеральный капитализм» и «социализм» были двумя вариантами «индустриального общества», обреченными на «конвергенцию» (Р. Арон) до «переходной» стадии, что, по мнению И. Валлерстайна, являлось «понятием-пустышкой без операциональных указателей» [1: 34].

В качестве термина, который позволил бы описать период первоначального накопления капитала и развития капитализма на ранних стадиях, И. Валлерстайном предлагается «аграрный капитализм», при котором наемный труд является лишь одним из способов привлечения и возмещения труда на рынке труда: «Рабство, принудительное производство урожая на продажу, издольщина и аренда – все это альтернативные способы» [1: 36]. Определяющей характеристикой в различии феодальных и капиталистических отношений является то, что в условиях феодализма экономика не была ориентирована на мировой рынок, и рабочая сила не покупалась и не продавалась, т. е. не выступала в качестве товара.

На специализацию сельскохозяйственной продукции оказывали влияние специфические климатические и географические условия мироэкономики. Эта региональная специализация пришла, как результат стремления акторов на рынке уйти от нормального функционирования рынка повсюду, где оно не приводило к максимизации их прибыли. Попытки этих акторов использовать нерыночные средства для обеспечения краткосрочных прибылей заставляло их обращаться к политическим общностям, которые на самом деле обладали необходимой мощностью, чтобы воздействовать на рынок – к нациям-государствам. Местные капиталистические классы – землевладельцы, производящие зерно на продажу, и купцы – обращались к государству не только, чтобы освободиться от нерыночных отношений, но и чтобы создать новые ограничения на новом рынке (рынке европейской мироэкономики), которые благоприятствовали бы продвижению их товара.

В результате серии случайностей (исторических, экологических, географических, климатических) северо-западная Европа оказалась в XVI в. лучше приспособленной, чем другие части Европы, разнообразя свою сельскохозяйственную продукцию промышленной. Восточная Европа и Западное полушарие стали периферийными зонами, где использование рабства и барщины как форм контроля над трудом были наиболее оптимальными.

«Ключевой факт состоял в том, что в северо-западной Европе изначально заданные легкие отличия совпали с интересами различных местных групп, приведя к развитию сильного государственного механизма, а в периферийных районах они остро разошлись, приведя к ослаблению государственного механизма. Таким образом, капитализм использует не только присвоение собственником прибавочной

стоимости, производимой работником, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом», – пишет в своей работе И. Валлерстайн [1: 38].

Капитализм изначально был явлением мироэкономики, а не национальных государств, более того капитал никогда не ограничивал свои устремления национальными границами, и создание национальных границ было исторически защитным механизмом капиталистов, находящихся уровнем ниже, чем высшие пункты силы в системе. Национальные экономические границы как мера, обеспечивающая защиту национального капитала, который для этого оказывал давление на правительство, впоследствии перерастали пределы своих первоначальных целей и трансформировались в фактор, сдерживающий развитие капитализма, поскольку его определяющая черта заключается в максимизации своих прибылей на реальном экономическом рынке, рынке мироэкономики. Следует пояснить, что в средневековье существовала торговля, но либо была локальной, т.е. районной, которую можно рассматривать как «расширенное поместье», либо же дальней, т.е. торговлей предметами роскоши.

Усиление государственной машины в центральной части системы обусловлено тем, что государственный механизм порождает слой чиновников, чьи интересы связаны с усилением организации как таковой. В процессе создания сильного государства на первых порах была необходимость заключить определенные конституционные компромиссы с другими силами внутри государственных границ. Конституционные компромиссы существенно сокращали свободу маневра управляющих государственной машиной. Усиление государств центра имело своим последствием упадок государственной машины в периферийной зоне. Этому есть объяснение. В периферийной зоне интересы местного капитала не совпадали с интересами местной торговой буржуазии. Интересы первого, с одной стороны, были направлены на сохранение открытой экономики в целях максимизации своих прибылей от торговли на мировом рынке с тем, чтобы не существовало никаких ограничений в экспорте и в доступе к более дешевым промышленным товарам из центра, а с другой – на устранение торговой буржуазии в пользу купцов из центра, которые не представляли внутренней политической угрозы.

И. Валлерстайн выделяет три структурные позиции мироэкономики: сердцевина (центр), периферия и полупериферия. Полупериферии предписана особая экономическая роль, но причины, порождающие ее, носят в большей степени политический характер. Мироэкономика с экономической точки зрения работала бы не хуже, если бы не существовало полупериферийной зоны, но сама система была бы менее политически стабильна в такой поляризованной миросистеме. Существование третьей категории означает то, что верхний слой системы не сталкивается с объединенной оппозицией всех остальных, поскольку средний слой являлся одновременно и эксплуатируемым и эксплуатирующим, тем самым создавая определенную буферную зону и дробя попытки сопротивления периферии.

Чем же в такой формулировке являются нации, национальности, народности, этнические группы и где здесь прилагается классовый анализ? Классы и этнические группы – явления миров-экономики. До сих пор их анализировали как часть наций-государств конкретного мира-экономики, а не в мироэкономике (т.е. системе) в целом.

Поскольку в центре спектр видов экономической деятельности гораздо шире, чем на периферии, то в нем шире и спектр групп синдикальных интересов. Промышленная деятельность неравномерно распределена между разными частями мира-экономики и потому промышленные наемные рабочие находят работу в определенных географических регионах, таким образом, их интересы в качестве

«синдикальной группы определяются их коллективным отношением к мироэкономике» [1: 44]. Вследствие этого способность промышленных рабочих влиять на политическое функционирование конкретной мироэкономики обретает форму в силу того факта, что они составляют больший процент населения в одном суверенном образовании, чем другом. Классовый анализ пригоден для оценки политических позиций. Смысл этнического сознания центра существенно отличается от этнического сознания в периферийной зоне из-за различных классовых позиций, которые такие этнические группы занимают в мироэкономике [2: 168–173].

В период 1650–1730 гг. европейская мироэкономика была консолидирована охватившим всю систему спадом, который открыл вторую стадию современной мироэкономики. Поскольку спад требовал экономии (относительный прибавочный продукт сократился), осталось место для выживания только одного государства, занимающего центральную позицию, которым стала Англия.

Ускорение процесса индустриализации дало начало третьей стадии капиталистической мироэкономики, стадии промышленного капитализма. С этого момента промышленное производство – уже не второстепенный элемент мирового рынка и составляет все больший процент мирового валового продукта и, что более важно, мирового валового прибавочного продукта. Это означало целый ряд последствий для миросистемы.

Прежде всего, это привело к дальнейшей географической экспансии европейской мироэкономики, которая теперь включает весь земной шар. Отчасти это стало следствием технологических возможностей (военная огневая мощь, улучшение кораблестроения). Потребности промышленного производства требовали доступа к такому природному сырью, которые не могли более удовлетворяться внутри прежних границ.

Самая важная из миросистем за пределами Европы, Россия, вошла в мироэкономику с полупериферийным статусом благодаря силе своей государственной машины (включая армию) и уровня индустриализации, уже достигнутого в XVIII в.

При промышленном капитализме изменению подвергается и внутренняя структура государств центра. Индустриализация означала отбрасывание всякой сельскохозяйственной деятельности в центре (в XX в. механизация сельскохозяйственного труда обоснованно может называться индустриальным трудом). При промышленном капитализме государства центра обменивали промышленные товары на сельскохозяйственную продукцию периферии. Подъем обрабатывающей промышленности приводит к формированию обширного городского пролетариата, который проявляет свой «массовый антикапиталистический дух» [3: 740–765] через организацию профсоюзного движения и социалистических партий. Буржуазия центра столкнулась с угрозой внутренней нестабильности своих государственных структур и одновременно с экономическим кризисом, который был порожден разницей между ростом сельскохозяйственного производства и расширением потенциального рынка для этих товаров, где первое росло быстрее второго. Расширяя потребительскую способность промышленного пролетариата под давлением профсоюзов и политических партий, мироэкономика избавлялась от двух проблем: узости спроса и неурегулированного классового конфликта в сердцевине центра.

Октябрьская революция в России стала началом новой стадии (четвертой по счету), при которой началась консолидация мироэкономики промышленного капитализма. По мнению И. Валлерстайна, русская революция возникла как реакция на угрозу дальнейшего ухудшения структурной позиции России в

мироэкономике. Из-за приращения новыми землями, которые в социально-экономическом отношении были более отсталыми, чем остальные регионы России, значительная разница уровня промышленного развития административных образований, соотношение внутренних политических сил привело к тому, что Россия стала быстро соскальзывать к периферийному статусу. Революция привела к власти группу государственных управленцев, которые имели достаточно политической воли к тому, чтобы использовать уже апробированные технологии меркантилистского полуухода из миросистемы, при котором государство активно вмешивается в хозяйственную деятельность. В России политическая власть мобилизовала народную поддержку, особенно среди городского населения, для выхода из статусного кризиса.

1917 г. часто рассматривается как идеологический поворотный пункт в истории современной миросистемы, и И. Валлерстайном он оценивается в таком же качестве. В этот год 2 апреля Вудро Вильсон обратился к Конгрессу США и призвал объявить войну Германии, которая, по его мнению, угрожала демократии, а 7 ноября (25 октября по старому стилю) того же года большевики штурмовали Зимний дворец во имя рабочей революции.

Вильсонизм основывался на классических либеральных предпосылках, исходя из того, что каждый действует на основе рационально осознанного интереса. Он уделял большое внимание законности и формальным процедурам. В. Вильсон обращался к нациям-государствам на международной арене с идеей ликвидации Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. Самоопределение наций с его точки зрения являлось самоопределением периферийных и полупериферийных зон миросистемы.

Ленин стремился к схожим политическим целям, но под иными политическими лозунгами пролетарского интернационализма и антиимпериализма. Нации не были долговременными персонажами марксизма, предполагалось, что конце концов они исчезнут, как и государства. Но нации в краткосрочном и даже среднесрочном плане были реальностью, которая тактически была полезна при демонтаже империи.

Деколонизация по-вильсоновски должна была стать дарованным благом, по-ленински – вырванной свободой. Лидерами движения за независимость первые видели буржуазию и интеллигенцию, вторые – партии и политическое движение. По мнению большевиков, после революции партия-движение должно было превратиться в партию-государство.

Национальное развитие операционально понималось при обоих подходах как задача «догнать» передовые страны, и была выполнима только при правильной государственной политике.

Предположение, выдвигаемое автором статьи на основании миросистемного подхода, заключается в том, что в момент своего меркантилистского полуухода из системы молодое Советское государство в условиях жесткого политического давления со стороны капиталистических стран подсознательно попыталось реконструировать существующую систему в своих границах. Это стало возможно благодаря специфике исторически сложившейся в Российской империи, у которой фактически все колониальные земли были в черте государственной границы. В СССР формируется политическая надстройка из республики и автономий, связанных и узаконенных государственной системой.

Советский Союз имел свой центр, полупериферийные (Узбекистан, Казахстан) и периферийные (Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан) зоны, если говорить о среднеазиатском регионе.

СССР выдвинул национальное развитие как приоритетную цель государственной политики, но вопросы национального развития подразумевали под

собой экономические потребности государства. И потому национально-государственное размежевание народов Центральной Азии проходило в условиях, когда приоритет отдавался созданию единого хозяйственного организма молодого советского государства. Политически сильный центр, доминируя, диктовал условия при формировании их государственных границ. В очень короткий срок народы осваивают большевистскую риторику о праве наций на самоопределение и активно используют ее в полемике друг с другом с целью расширения своих территорий.

Ю. Слезкин видит в ленинской теории «положительного национализма» (национализм «угнетенной нации»), которая была воплощена в спонсируемую государством политику «компенсаторного национального строительства», как вполне адекватное описание того, чего добивался советский режим [4: 414].

Франсин Херш, опираясь на исследования Стивена Сабои [5: 225–241] и Шошаны Келлер предлагает другую интерпретацию национально-государственного размежевания республик Средней Азии. Она говорит, что не следует воспринимать как парадигмы: «разделяй и властвуй» или «этнофилии» советского режима, что делимитацию следует понимать, как манифестацию попыток советского режима определить новую (и предположительно неимпериалистическую) модель колонизации, которая подразумевала инкорпорацию территорий Средней Азии в Советское государство. Государство определяло себя как сумму своих частей и связывало свои интересы с быстрым национально-культурным развитием своего населения. Национально-государственное размежевание было спонсируемой государством попыткой превратить так называемые отсталые народы в нации в контексте объединенного государства. Экономическая и административная структура государства была колониального типа, что и определило специфику Советского Союза. В 1920-е гг. все субъекты, принадлежащие Советской власти, включая партийную элиту, были ассимилированы в официальные категории национальности с помощью переписи населения, карты народов и других классификационных инструментов. Этнографы, географы и специалисты по статистике из бывшей Российской империи играли ключевые роли в этом процессе в качестве экспертных консультантов нового Советского режима. Одновременно с помощью большого разнообразия административных, экономических, культурных и политических учреждений (включая Коммунистическую партию) официальные национальности были ассимилированы в Советское государство и общество, что позволило Ф. Херш говорить о СССР как империи наций.

Проблема отсталости и модернизации в XX в. рассматривалась преимущественно как техническая – считалось, что дело в недостаточном развитии промышленности и отсутствии современных технологий, что хорошо укладывалось в марксистско-ленинскую доктрину. Как предполагалось, политическим препятствием для развития Кыргызстана начала XX в. являлся колониализм и царизм, но с образованием Советского государства эта проблема была решена, и оставалось лишь форсировать технологическую модернизацию. Но развитие событий показало полную несостоятельность подобных надежд. Строительство заводов, социальные и культурные сдвиги 20–30-х гг. в Кыргызстане не устранили разрыва в уровне хозяйственного развития даже в пределах одного государства. С каждым новым циклом модернизации отношения отсталости и зависимости от центра воспроизводились на новом уровне, возникали все новые проблемы и диспропорции.

Конец 1990-х гг. в нашей стране стал временем, когда готовые экономические и исторические модели были взяты под сомнение. Восторженное стремление к капитализму, овладевшее советским обществом на рубеже 1980–1990-х гг., сменилось недоумением и разочарованием. Неудачи Кыргызстана экономического,

политического, социального характера в течение неопределенно затягивающегося «переходного периода», переживаемого уже не раз в XX столетии заставляют многих пересматривать свои взгляды.

Сегодня, когда Кыргызстан пытается интегрироваться в мировую экономику, есть возможность задуматься о перспективах страны исходя из позиций миросистемы, а не апеллируя к различным экономическим, идеологическим и националистическим утопиям.

Примечания:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
2. I. Wallerstine. The two of Ethnic Consciousness: Soviet Central Asia in Transition? // Edward Allworth, ed. The Nationality Question in Soviet Central Asia. New York: Praeger, 1973.
3. Robert Michels. The Origins of the Anti-Capitalist Mass Spirit // Man in Contemporary Society. – New York: Columbia University Press, 1955. Vol.1.
4. Yuri Slezkine. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review 53. 1994. Summer.
5. Steven Saboi. The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation // Central Asian Survey 14. No. 2. 1995.
6. Shoshana Keller. Drawing the Borders: The Central Asian Bureau. 1922–1925.
7. Francine Hirsh. Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // Russian Review. Vol. 9. No. 2. 2000. April.

УДК 93

**ОБРАЗОВАНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ**

Гульмира Дженишевна Джунушалиева

Кыргызско-Российский Славянский университет
720021, г. Бишкек, ул. Киевская, 44
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dzun_gulmera@mail.ru

В данной статье представлена попытка проанализировать процесс создания кыргызской государственности в 1920–1930-е гг. под углом зрения мир-системного подхода, который разрабатывался И. Валлерстайном и др.

Ключевые слова: кыргызская государственность, мир-системный анализ, национально-государственное размежевание Средней Азии.